

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2022-205-254-265>

EDN YZGDXR

О. Б. Симатова

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ НЕГЛЕКТУ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

Целью исследования стало изучение особенностей ценностно-мотивационного компонента профессионального самоопределения студентов, подвергшихся неглекту в родительской семье. Анализ результатов исследования позволяет говорить об особенностях иерархии спектра ценностных ориентаций, структуры и содержания мотивов выбора профессии, мотивов профессиональной деятельности и карьерных ориентаций у данной категории студентов. Результаты свидетельствуют об искажениях ценностно-мотивационной структуры этих студентов и позволяют наметить эффективное направление превентивной работы.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, неглект, ценностные ориентации, мотивы профессионального выбора, мотивация профессиональной деятельности, карьерные ориентации

О. Simatova

VALUE-MOTIVATIONAL COMPONENT OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION IN STUDENTS NEGLECTED BY THEIR PARENTAL FAMILY

The research studies the value-motivational component of professional self-determination in students who have been neglected by their parental family. The analysis identifies the hierarchy of the value orientation spectrum, the structure and content of motives for choosing a profession, motives of professional activity, and professional guidelines for this category of students. The research results indicate distortions of the students' value-motivational structure and make it possible to outline the direction of effective preventive work.

Keywords: professional self-determination, neglect, value orientations, motives of professional choice, motivation of professional activity, career orientations

Введение

Высокая актуальность и социальная значимость проблемы профессионального самоопределения обусловлены ее системообразующим характером и фундаментальной ролью в успешном освоении и осуществлении личностью профессиональной деятельности [15, с. 89; 16, с. 94]. В свою очередь, профессиональная деятельность во многом сама определяет пространство развития, самоопределения и самореализации личности.

Профессиональное самоопределение в обобщенном виде представляет собой

процесс определения личностью своего места в мире профессий, формирования отношения к себе как к субъекту будущей или уже выполняемой профессиональной деятельности и нахождения в ней личностных смыслов. В настоящее время исследователи отмечают существование целого ряда моментов, препятствующих нормальному развитию процесса профессионального самоопределения [1; 16, с. 94–95; 17], в который включают приоритет материальных ценностей в обществе; особенности мышления молодежи, связанные с недостаточностью

его критичности [3]; общую психологию общества потребления; снижение ценностного отношения к образованию и профессии как средству самореализации [16]; негативное воздействие социализации личности в виртуальном пространстве под влиянием современных информационно-коммуникативных и компьютерных технологий; нарастание стрессовой напряженности, вызванное пандемией [4; 6; 10; 16, с. 95] и т. д. При этом важнейшей детерминационной составляющей нарушения процесса профессионального развития личности выступают условия семейного воспитания и его отдаленные последствия [5; 12; 13; 18].

Теоретико-методологические основы исследования

Результаты теоретического анализа научной литературы по проблеме профессионального самоопределения позволяют говорить о том, что в рамках различных подходов и концепций в его структуру включаются различные по количеству, характеру, уровню сложности и содержанию компоненты [3; 7; 15, с. 90–91]. При этом компоненты профессионального самоопределения представляют собой как личностные, так и деятельностные характеристики. В качестве структурных составляющих при этом исследователями рассматриваются ценностные ориентации, мотивы, способности и действия по их оценке, целый ряд психофизиологических и индивидуально-психологических качеств, профессиональные направленность, самосознание, ментальность и т. д. [15, с. 90–91; 16]. В целом профессиональное самоопределение рассматривается как целостная система взаимосвязанных компонентов, которые условно можно разделить на мотивационный, когнитивный, операционально-деятельностный и оценочно-рефлексивный. При этом в общем ряду структурных составляющих профессионального самоопределения максимальная значимость придается большинством исследователей ценностно-мотивационному компоненту, который,

вероятно, поэтому и является наиболее изученным.

Широкий спектр проблем профессионального самоопределения имеет единый системообразующий базис — совокупность побудителей, заставляющих человека определенным образом мыслить и действовать в отношении построения собственного профессионального пути [15; 16]. Исследователи указывают на необходимость проблемно-ориентированного подхода к пониманию профессионального самоопределения, предполагающего решение проблем, связанных с эффективными карьерными и жизненными выборами, и их реализацию [2]. Мы полагаем, что направленное развитие ценностно-мотивационного компонента профессионального самоопределения на всех этапах развития личности выступает перспективным и целесообразным направлением психолого-педагогического воздействия с целью его оптимизации.

Известно, что понятия потребности, мотива и цели занимают ведущее место в психологическом анализе деятельности личности, в том числе и профессиональной. Мотив представляет собой потребность, управляющую поведением человека, а цель при этом выступает предметом, на который направлена деятельность человека, и который должен быть в ходе ее реализации преобразован в конечный продукт. Очевидно, что при анализе мотивов личности необходимо опираться на фундаментальное положение психологии о том, что человек в процессе деятельности всегда остается участником общественных отношений. Поэтому чтобы понять, чем определяется содержание целей личности, каков механизм их формирования, необходимо изучить историю ее развития в семье, ближайшем окружении, обществе. Об этом же свидетельствуют указания авторов на то, что субъект труда начинает формироваться задолго до освоения самой профессиональной деятельности, в системе отношений человека с микро- и макросоциумом, что в дальнейшем оказывает непосредственное

влияние на формирование его взаимосвязей в системе трудовых отношений [2].

Период профессионального обучения в вузе связан с формированием у будущих профессионалов соответствующих компетенций, профессионально важных качеств, профессионально-ценностных ориентаций, профессионального сознания и самосознания. Поэтому данный период можно рассматривать как важнейший этап профессионального самоопределения, когда у студента формируется образ профессии и актуализируются личностно значимые смыслы получения соответствующего образования [15, с. 89–90]. В целях оптимизации и индивидуализации профессионального самоопределения существует необходимость учета не только широкого спектра индивидуально-психологических и личностных качеств обучающихся, но и особенностей условий их развития, в том числе и семейных. В частности, исследователи указывают на негативное влияние деструктивных детско-родительских отношений на дальнейшее развитие различных компонентов профессионального самоопределения. В рамках таких семейных деструкций в последнее время исследователями все чаще рассматривается феномен неглекта [9].

Первоначально понятие неглекта в науке появилось и стало рассматриваться в контексте социальной защиты в рамках детско-родительских отношений. В настоящее время в научной литературе в отношении данного термина существует неоднозначность понимания и, зачастую, некорректность употребления для обозначения абсолютно различных понятий. В современной психологии данный термин чаще всего употребляется при указании на пренебрежение потребностями другого человека, на отсутствие внимания к ним, на ситуации невыполнения долга. Под неглектом (от англ. neglect «пренебрежение») при этом понимается форма пассивного, скрытого насилия, сущность которого состоит в игнорировании потребностей человека его окружением [9]. Такое

игнорирование может касаться потребностей любого уровня и осуществляться в самых различных сферах жизни: в семье, профессиональной среде, в процессе получения образования, при обращении за медицинской или другой помощью и т. д.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что, несмотря на очевидность негативного влияния любого насилия на развитие и здоровье ребенка, существуют трудности в понимании и описании данного явления, связанные с отсутствием в обществе общепризнанных представлений о допустимых границах и формах детско-родительских отношений [8; 14]. Можно констатировать отсутствие общепризнанных критериев, позволяющих однозначно выявить потенциально опасные воздействия взрослых на ребенка, а тем более — просчитать их возможные последствия. Такое положение дел связано с тем, что детско-родительские отношения имеют значительную вариативность в зависимости от возрастных, гендерных, этнических, культурных и еще целого ряда объективных и субъективных факторов и условий. Тем не менее большинство исследователей считает, что неглект в отношении ребенка в семье представляет собой любое систематическое недопустимое действие или бездействие родителя (другого взрослого), которое лишает ребенка удовлетворения основных потребностей, соответствующих возрасту, и тем самым приводит к риску или непосредственно нарушению психического или физического здоровья [11; 12]. При этом систематичность характера этих действий или бездействий характеризуется определенной частотой, объемом и временным периодом воздействия и в итоге заключается в распространении деструктивного влияния взрослых на большой период детства, а порой и последующие периоды жизни человека.

В немногочисленных работах указывается на отличительные характеристики ситуации неглекта. К ним, как правило, относятся следующие моменты: систематическое пренебрежение ответственными лицами своими

обязанностями и неудовлетворение жизненных потребностей зависимо от них человека, что при этом расценивается как норма; нанесение реального ущерба или вреда жертве, что выражается в ухудшении ее физического и психического здоровья, усилении экономической несвободы, разрушении социальных связей и т. д.; смещением фокуса ответственности неглектора, который не признает своей вины за происходящее и перекладывает ее на окружающих или саму жертву.

Можно констатировать, что в отечественной психологической научной литературе понятию «неглект» тождественно понятие пренебрежения. Теоретический анализ научной литературы в данном контексте позволяет сделать вывод о том, что отечественные исследователи вслед за зарубежными авторами, относят пренебрежение нуждами ребенка к специфическому виду насилия, наравне с физическим, психологическим и сексуальным. Авторы указывают на то, что о пренебрежении можно говорить в тех ситуациях, когда родители или замещающие их лица периодически или регулярно не удовлетворяют потребности ребенка: не обеспечивают пищей, жильем, одеждой, образованием, медицинской помощью, опекой, вниманием, защитой и т. д. Последствиями такого отношения выступают нарушения развития и здоровья ребенка [5; 8; 11; 12; 18].

Исследователями выделены различные формы неглекта по определенным критериям. В этом смысле описаны физический и эмоциональный неглект, характеризующиеся неудовлетворением соответствующих потребностей. В рамках психологического неглекта исследователями обсуждаются такие понятия, как висхолдинг (поворот разговора так, как не планировал человек), газлайтинг (форма психологического насилия, цель которой — заставить человека сомневаться в собственной адекватности (обесценивание, шутки, запугивание)), бланкинг (отношение к человеку как к пустому месту (лишение денег, отказ в бытовой помощи, отрицание

ценности личности)). В рамках семейного неглекта происходит ситуационное уточнение авторами его конкретного содержания с выделением соответствующих проявлений в области надзора и контроля (безнадзорность и беспризорность), окружающей среды (грязный дом, посуда, испорченные продукты, грызуны или паразиты в доме), получения ребенком образования (пренебрежение регулярностью посещения учебного заведения, помощью в образовательном процессе, вплоть до отсутствия каких-либо действий по зачислению ребенка в образовательное учреждение). При выходе понимания неглекта из зоны детско-родительских отношений исследователями рассматриваются ситуации неглекта в образовательной, медицинской и психологической сферах общественной практики. Учитывая тот факт, что семья является полифункциональной системой, в которой могут удовлетворяться практически все потребности человека, мы полагаем, что в семье могут иметь место и все виды неглекта.

Среди причин неглекта исследователями называются сложное социально-экономическое положение семьи, сверхзанятость родителей, проблемный характер семьи, наличие в семье ребенка-инвалида, девиантность родителей, их педагогическая несостоятельность и личностная незрелость и т. д. Зачастую пренебрежение встречается в семьях со стилем воспитания, характеризующимся отсутствием интереса к жизни ребенка, полном игнорировании его естественных и психологических потребностей — гипопротекции.

Результаты исследований отечественных и зарубежных психологов указывают на то, что психическое развитие ребенка обусловлено его эмоциональным контактом с близкими взрослыми, особенностями их взаимодействия, привязанностью. По мнению большинства авторов, человек в дальнейшем проецирует свой детский опыт привязанности на собственную взрослую жизнь, используя его как модель поведения и построения межличностных отношений [5; 11; 12].

Наиболее разрушительным по своим последствиям является именно эмоциональный неглект в отношении детей. При этом под эмоциональным неглектом понимается неспособность родителей заметить, уделить внимание или в достаточной степени отреагировать на эмоциональные потребности ребенка. Данный вид неглекта является менее заметным и не запоминается большинством детей в силу несформированности до определенного возраста критичности мышления. Среди деструктивных последствий эмоционального неглекта называются подавление или отвержение человеком своих эмоций, чувств и потребностей и, как результат, неспособность к пониманию собственных желаний, постановке важнейших жизненных целей, формированию и реализации жизненного плана. Развитие ребенка в эмоционально бедной среде, отсутствие знаний о принятых в обществе правилах и нормах жизни, поведения и деятельности предопределяют сложности в целеполагании, планировании, эмоциональной и поведенческой саморегуляции в будущем [13].

Исследователи акцентируют внимание на характеристиках детей, подвергшихся пренебрежению родительской семье [5; 11; 12]. Среди этих характеристик были отмечены различные проявления отставания в развитии, низкая обучаемость, отсутствие познавательной мотивации, поведенческие девиации, низкий эмоциональный и социальный интеллект, неадекватная самооценка, неумение строить и поддерживать межличностные отношения и т. д. Авторы подчеркивают, что последствия пренебрежения разрушительны для личности ребенка, его физического и психологического здоровья. Пренебрежение приводит к таким негативным последствиям, как нарушение формирования здоровой привязанности, искажение эмоционального и когнитивного развития, деформации личности ребенка [11; 18]. Данный список могут дополнить трудности в постановке и достижении жизненных целей и принятии решений; неумение и страх выражения эмоций

и чувств, определяемые опытом молчаливого переживания всех значимых жизненных ситуаций; искажение мотивационной и ценностной структуры, характеризующейся направленностью на удовлетворение потребностей, которыми пренебрегали, а не на поиск истинного жизненного и профессионального предназначения; неспособность обращаться за помощью к другим людям и, как следствие, отчужденность и изолированность от социума, связь и взаимодействие с которым обогащает жизненный опыт, является залогом гармоничного развития личности; невозможность осознать собственную значимость и самооценку, трудности с самоидентификацией в обществе и профессии [8; 9].

Таким образом, результаты теоретического анализа научной литературы позволяют сделать вывод о негативном множественном отсроченном влиянии неглекта на развитие личности и самые разные стороны ее жизни. Именно тяжестью и широтой спектра соответствующих последствий неглекта в родительской семье и обусловлена высокая актуальность и социальная значимость данной научной проблемы.

Учитывая то, что последствия неглекта носят отсроченный характер и в дальнейшем касаются практически всех сфер жизни и деятельности человека, мы предположили, что показатели профессионального самоопределения студентов, подвергшихся неглекту в родительской семье, и студентов, воспитывающихся в семьях без признаков неглекта, будут различаться и иметь определенные особенности. Принимая во внимание базисный характер и первостепенное значение ценностно-мотивационного компонента в процессе профессионального самоопределения, в качестве таких показателей нами были выделены ценностные ориентации, мотивы профессионального выбора, мотивы профессиональной деятельности и карьерные ориентации личности. В контексте вышесказанного нами было организовано и проведено эмпирическое исследование, целью

которого стало изучение особенностей ценностно-мотивационного компонента профессионального самоопределения у студентов, подвергшихся неглекту в родительской семье.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе Забайкальского государственного университета (ЗабГУ). Необходимо отметить определенную сложность проведения исследования, обусловленную отсутствием четких методологических основ и валидного психодиагностического инструментария для идентификации ситуации неглекта в жизни участников исследования. В связи с этим нами была разработана соответствующая авторская анкета. Кроме того, при формировании групп для сравнения мы учитывали следующее: активизация развития профессионального самоопределения и его соответствующих компонентов происходит в процессе профессионального обучения, что обуславливает целесообразность участия в исследовании студентов выпускных курсов; специфика учебно-профессиональной деятельности студентов различных факультетов требует включения в состав сравниваемых групп в равном соотношении студентов различных факультетов; для достоверности результатов исследования должна быть обеспечена сопоставимость сравниваемых групп по ряду возрастных, половых и социально-демографических характеристик.

В исследовании участвовали 96 студентов выпускных курсов различных факультетов вуза, из которых по результатам авторской анкеты, направленной на выявление неглекта в родительской семье, были сформированы две группы участников исследования. Студенты, не обладающие показателями для осуществления последующего сравнения в соответствующих группах, были исключены из исследования. Авторская анкета содержала 40 вопросов, направленных на выяснение наличия в родительской семье признаков ситуации систематического пренебрежения потребностями респондента всех

уровней (витальных, в безопасности, аффилиативных, в достижениях и уважении, самореализации). Систематичность характера неглекта была обозначена в анкете указанием на распространение пренебрежения потребностями респондента на длительный период его жизни, включающий детство, отрочество и раннюю юность. С каждым участником исследования, результаты анкетирования которого указывали на ситуацию неглекта в родительской семье, было проведено индивидуальное собеседование для дополнительного уточнения понимания сущности вопросов анкеты и подтверждения полученных результатов. В процессе собеседования было выяснено, что 23% студентов с подтвержденной ситуацией неглекта не осознают деструктивной сущности происходящей в их семье ситуации и не считают пренебрежение родителями их потребностями чем-то неприемлемым. Все происходящее они воспринимают как правила и традиции жизни своей семьи и относятся к этому эмоционально нейтрально. Но большая часть студентов (77%) все же осознает негативный характер отношений с родителями, отмечая их конфликтность, эмоциональную холодность, непонимание со стороны родителей и желание поскорее начать жить самостоятельно и не зависеть от родительской семьи. В результате в первую группу участников исследования вошли 34 студента, данные анкеты которых указали на наличие неглекта в родительской семье, а во вторую — 26 студентов, анализ результатов анкеты которых показал полное отсутствие в их родительской семье признаков неглекта.

При выборе психодиагностического инструментария для изучения психического выгорания мы руководствовались позицией единства результирующей и процессуальной его сторон. Выбор психодиагностического инструментария, прежде всего, был обусловлен целью исследования и различным вектором соответствующей валидностью используемых методик. Использовались методика диагностики реальной структуры ценностных

ориентаций личности С. С. Бубнова, методика для изучения мотивов профессионального выбора А. А. Киберева, опросник «Трудовой мотивационный профиль» Л. Шеховцовой и О. Шеховцова для изучения мотивов профессиональной деятельности и опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна в модификации В. Э. Винокуровой и В. А. Чикер для изучения карьерных ориентаций. Количественная оценка результатов исследования проводилась с помощью непараметрического критерия достоверности различий Манна — Уитни U. Данный выбор был связан с малым объемом выборки исследования, обусловленным соответствующим количеством выявленных респондентов, подвергшихся неглекту в родительской семье. При этом мы учитывали возможность использования данного критерия при оценке различий по степени выраженности анализируемого признака между двумя несвязанными выборками и его количественные ограничения.

Учитывая специфику проводимого исследования, дефицит подобных научных работ, соответствующие трудности методологического, методического и этического характера в организации исследования, необходимость разработки соответствующего диагностического инструмента с целью формирования выборки исследования, мы допустили возможность его проведения на немногочисленной выборке. При этом достоверность результатов и выводов исследования обеспечивалась методологической обоснованностью исходных положений на основе изучения научной литературы в рамках проблем профессионального самоопределения и семейного неглекта; использованием надежного и валидного психодиагностического инструмента, отвечающего его логике; качественно-содержательным анализом полученных результатов; применением метода математической статистики с использованием непараметрического критерия, позволяющего оценить результаты исследования, проведенного на немногочисленной выборке участников.

Результаты и их обсуждение

При качественно-содержательном анализе результатов эмпирического исследования было выяснено, что у студентов, подвергшихся неглекту, в спектр реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности входят следующие полиструктурные ценности: высокое материальное благосостояние (92,4%), высокий социальный статус и управление людьми (84%), приятное времяпрепровождение и отдых (75,6%), любовь (74,8%), здоровье (72,2%), общение (69,3%), признание и уважение людей и влияние на окружающих (67,7%). Лишь незначительный процент студентов данной группы указал на поиск и наслаждение прекрасным (11,3%) и познание нового в мире, природе, человеке (9,7%) как свои ценности. При этом такие ценности как помощь и милосердие к другим людям и социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе в данной группе участников не были отмечены вообще. Таким образом, студенты данной группы имеют ограниченный репертуар полиструктурных ценностей, а их иерархия свидетельствует о приоритете материальных ценностей, возможности доминирования и власти, а также удовлетворения аффилиативных потребностей. Такое положение дел может быть продиктовано ориентацией участников данной группы преимущественно на компенсацию ситуации систематического неудовлетворения потребностей соответствующего уровня в родительской семье и попыткой найти возможность удовлетворить эти потребности самостоятельно.

При анализе мотивов профессионального выбора в группе студентов, подвергшихся неглекту, было установлено следующее. Лидирующим мотивом в данной группе участников оказался компенсаторный выбор (84,7%), за ним следуют ситуационно-прагматический выбор (64,6%), инфантильный выбор (48,2%), родительский сценарий (34,5%), династический выбор, завещание (27,6%), выбор на основе телевизионного

фактора (21,3%), социально-инфраструктурный (18,6%), свободный выбор (11,9%) и предметный выбор (8,4%). В данной группе участников не были выявлены выбор как родительское завещание, консультационный, стадный, выбор как антипрофессия и выбор на основе книжного фактора. Такие результаты позволяют предположить, что подавляющее большинство студентов, подвергшихся неглекту, нацелены на поиск путей удовлетворения потребностей, которыми пренебрегали в родительской семье, в том числе и через получение профессии, а не на поиск возможностей самореализации. Кроме того, достаточно большой процент студентов в выборе профессии ориентирован на родителей, что может свидетельствовать о зависимых детско-родительских отношениях.

При анализе профессионального мотивационного профиля в данной группе участников была выявлена следующая ориентация в структуре профессиональных мотивов: деньги (98,2%), карьера и признание (86,3%), стабильность (79,9%), коллектив и отношения (38,7%), профессионализм и творчество (21,5%). Такое распределение мотивов профессиональной деятельности может свидетельствовать о соответствующих приоритетах студентов, которые испытали пренебрежение своими потребностями, и в настоящее время ищут возможности удовлетворить их самостоятельно. При этом настораживающим моментом, на наш взгляд, является то, что профессиональная самореализация занимает в их рейтинге последнее место.

Спектр карьерных ориентаций студентов, подвергшихся неглекту, составили следующие позиции: вызов (79,4%), автономия (67,7%), стабильность работы (65,6%), стабильность места жительства (58,1%), интеграция стилей жизни (46,2%), менеджмент (26,6%), профессиональная компетентность (18,5%) и предпринимательство (7,8%). При этом такая ориентация как служение не была выявлена в данной группе участников. Такие результаты говорят о преимущественной

ориентации студентов данной группы на социальную конкуренцию, достижение превосходства в разных сферах жизни, в том числе и профессиональной. При этом процесс преодоления препятствий в достижении своих целей зачастую является более важным для людей с подобной ориентацией. Помимо этого, необходимо отметить стремление участников данной группы к тому, чтобы жить и работать по своим правилам, готовность отказаться от многого ради сохранения своей независимости. Для этих студентов важны безопасность и стабильность, а также предсказуемость будущих событий их жизни. При этом для участников данной группы абсолютно не важной оказалась возможность делать мир лучше и совершеннее через выполнение своей профессиональной деятельности.

В группе студентов, воспитывающихся в семьях без признаков ситуации неглекта, обнаружился весь репертуар ценностей, выявляемых применяемой методикой, которые расположились в следующем иерархическом порядке: любовь (97,3%), познание нового в мире, природе, человеку (89,1%), высокое материальное благосостояние (79,4%), общение (78,6%), социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе (69,2%), поиск и наслаждение прекрасным (68,8%), здоровье (54,6%), помощь и милосердие к другим людям (49,7%), признание и уважение людей и влияние на окружающих (32,8%), приятное времяпрепровождение, отдых (27,8%), высокий социальный статус и управление людьми (19,5%). Полученные результаты свидетельствуют о наличии у студентов данной группы достаточно широкого спектра ценностей и приоритете аффилиативных, познавательных и материальных ценностей. Абсолютное преобладание у студентов данной группы ценности любви может быть обусловлено возрастными психологическими особенностями респондентов.

Анализ мотивов профессионального выбора студентов, в семьях которых отсутствовали признаки неглекта, показал явное

преобладание социально-инфраструктурного (89,4%) и ситуационно-прагматического выбора (87%). Далее в общей структуре мотивов профессионального выбора последовали свободный (73,8%), предметный (61,7%), консультационный (42,6%), компенсаторный (28,5%) выборы, выбор на основе телевизионного (12,6%) и книжного (9,8%) факторов. В данной группе участников не были отмечены мотивы профессионального выбора, связанные с влиянием родителей, стабильный, инфантильный выборы и выбор-антипрофессия. Таким образом, можно отметить преимущественно рациональную ориентацию студентов данной группы при выборе профессии, включающую оценку конкретной ситуации на рынке труда в регионе, критичную оценку собственных возможностей в сложившейся ситуации, понимание и адекватную оценку своих интересов и склонностей. Также необходимо отметить отсутствие в данной группе мотивов, связанных с ориентацией на родителей, что можно расценить, как зрелую позицию профессионального выбора, умение взять ответственность за него и свое дальнейшее профессиональное развитие.

Профессиональный мотивационный профиль студентов без опыта неглекта выглядит следующим образом: профессионализм и творчество (95,6%), карьера и признание (74,1%), деньги (68,3%), стабильность (57,2%), коллектив и отношения (58,7%). Такое распределение мотивов профессиональной деятельности свидетельствует о достаточно зрелой позиции студентов данной группы, которые очевидно, рассматривают профессию, объединяя ее потенциалы как средства самореализации и соответствующего материального обеспечения.

В спектр карьерных ориентаций студентов, не имеющих опыта неглекта, вошли следующие: профессиональная компетентность (91,6%), интеграция стилей жизни (87,9%), стабильность работы (82,1%), менеджмент (72,6%), служение (68,3%), автономия (58,6%), предпринимательство (48,4%),

стабильность места жительства (37,7%), вызов (5,6%). Таким образом, все изучаемые карьерные ориентации были указаны студентами данной группы. При этом выявленная иерархия карьерных ориентаций свидетельствует о том, что в своей будущей профессии участники данной группы будут руководствоваться, прежде всего, наличием у себя соответствующих способностей и компетенций. Они ориентированы на то, чтобы стать мастером своего дела, достигнуть определенных профессиональных успехов, развиваться, целенаправленно выстраивать свою карьеру, достигая желаемого социального статуса. При этом стремление к интеграции стилей жизни может свидетельствовать о стремлении к гармонии и балансу разных ее сторон: профессиональной, семейной, общения и т. д. Участники данной группы указали на большую важность стабильности работы, чем стабильности места жительства. В репертуаре карьерных ориентаций этих студентов достаточно важное место занимают служение, автономия и предпринимательство.

В результате математико-статистической обработки результатов исследования были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) по подавляющему большинству сравниваемых показателей мотивов профессионального выбора и профессиональной деятельности, а также соответствующих карьерных ориентаций у студентов, подвергшихся неглекту в родительской семье и студентов, не имеющих такого опыта.

Выводы

Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Ценностно-мотивационный компонент профессионального самоопределения у студентов, подвергшихся неглекту в родительской семье, отличается от такового у студентов, воспитывающихся в семьях без признаков неглекта, и имеет определенные особенности.

2. Спектр полиструктурных ценностей студентов, подвергшихся неглекту в родительской семье, уже, чем спектр ценностей студентов, воспитывающихся вне ситуации неглекта, а их иерархия существенно различается. Ведущее место у студентов, переживших неглект, занимают материальные ценности, а у студентов из семей без неглекта лидируют аффилиативные ценности.
3. Мотивы профессионального выбора студентов, подвергшихся неглекту, носят компенсаторный характер, в отличие от преимущественно рационального выбора у студентов, не имеющих травматичного опыта неглекта.
4. Мотивация профессиональной деятельности студентов, переживших неглект в родительской семье, преимущественно ориентирована на поиск путей компенсации неудовлетворенных потребностей в рамках профессии. При этом соответствующая мотивация у студентов, воспитывающихся вне ситуации неглекта, отличается зрелостью и демонстрирует отношение к профессии не только как средству получения материального дохода, но и как к возможности самореализации.
5. Карьерные ориентации студентов, подвергшихся неглекту, указывают на стремление компенсировать пережитое пренебрежение их потребностями.

Ориентации в построении карьеры у студентов из семей без неглекта имеют более широкий спектр и демонстрируют стремление к балансу самых разных сторон их жизни.

6. Существует необходимость специального психолого-педагогического воздействия, направленного на коррекцию и оптимизацию ценностно-мотивационного компонента профессионального самоопределения у студентов вуза, переживших неглект в родительской семье.

Обобщая результаты исследования, можно констатировать определенные искажения ценностно-мотивационного компонента профессионального самоопределения у студентов, подвергшихся неглекту в родительской семье. Это выражается в их преимущественной ценностно-мотивационной ориентации не на раскрытие и реализацию собственных потенциалов и дальнейшее развитие в рамках профессии, а исключительно на возможности в ее рамках компенсировать родительское пренебрежение их потребностями и поиск путей самостоятельного их удовлетворения.

Полученные результаты демонстрируют целесообразность направленного формирования и оптимизации ценностно-мотивационного компонента профессионального самоопределения в процессе профессионального обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугакова Н. Ю., Карелина Е. А., Кирова И. В. «Клипное мышление» как вызов образовательной системе // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (45). С. 7–11.
2. Воронцова Е. Г. Исследование особенностей психологической готовности к профессиональной деятельности личности в образовательном пространстве вуза // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. № 3. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9\(3\).4](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(3).4) (дата обращения 17.03.2022).
3. Григорьева Н. В., Мокрецова Л. А., Швец Н. А. Профессиональная компетентность будущих специалистов: анализ уровня сформированности // Вестник Костромского государственного университета. Серия Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 3. С. 122–126.
4. Камдина Л. В. Оценка влияния пандемии COVID-19 на качество жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). С. 224–230. <https://www.doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11126>

5. Катан Е. А. Жестокое обращение и пренебрежение в детстве определяют отдаленные последствия для психического и физического здоровья взрослых // Оренбургский медицинский вестник. 2020. Т. 8. № 3 (31). С. 15–22.
6. Колесников В. Н., Румянцева А. В. Психологическое благополучие студентов // Мир педагогики и психологии. 2016. № 4. С. 77–86.
7. Левицкая И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-2 (58). С. 136–140.
8. Лотова И. П. Диагностика жестокого обращения с детьми как начальный этап формирования ответственного родительства // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2016. Т. 11. № 2. С. 178–185.
9. Митрухина С. В., Слюсарь Е. С. Феномен неглекта в социальной работе // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2021. № 3 (37). С. 46–51.
10. Плещенко В. И. Между традициями и виртуальной реальностью: эпидемия коронавируса как катализатор изменений в культурной сфере // Культурологический журнал. 2020. № 2 (40). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doi.org/10.34685/НЦ.2020.28.81.002> (дата обращения 17.03.2022).
11. Реан А. А., Коновалов И. А. Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков // Вестник московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 292–300. <https://www.doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10500>
12. Реан А. А., Коновалов И. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 1. № 1 (33). С. 23–32. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
13. Рождественская Н. А., Можаровский И. Л., Макарян В. В. Связь личностной и профессиональной идентичности у старшеклассников // Национальный психологический журнал. 2018. № 1 (29). С. 38–49. <https://www.doi.org/10.11621/npj.2018.0104>
14. Свиридова Т. В., Лазуренко С. Б., Ртищева М. С., Герасимова А. М., Павлова Н. Н. Медико-социальные критерии диагностики жестокого обращения с хронически больными детьми в семье // Российский педиатрический журнал. 2018. Т. 21. № 4. С. 216–220. <https://www.doi.org/10.18821/1560-9561-2018-21-4-216-220>
15. Симатова О. Б. Особенности некоторых компонентов профессиональной ментальности будущих педагогов и психологов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (45). С. 89–96.
16. Симатова О. Б. Мотивация профессионального выбора и карьерные ориентации студентов вуза различных поколенческих циклов // Гуманитарные науки: научно-практический журнал. 2020. № 4 (52). С. 94–104.
17. Тесленко А. Н., Тамарская Н. В. Социализация молодежи в условиях постиндустриального урбанизированного общества // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (45). С. 31–35.
18. Шмарин П. В. Самовоспроизводство насилия в семье в отношении несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 2. С. 274–277.

REFERENCES

1. Bugakova N. Yu., Karelina E. A., Kirova I. V. “Klipovoe myshlenie” kak vyzov obrazovatel’noj sisteme // Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki. 2018. № 3 (45). S. 7–11.
2. Vorontsova E. G. Issledovanie osobennostej psikhologicheskoy gotovnosti k professional’noj deyatel’nosti lichnosti v obrazovatel’nom prostranstve vuza // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. № 3. [Elektronnyj resurs]. URL: [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9\(3\).4](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(3).4) (data obrashcheniya 17.03.2022).
3. Grigor’eva N. V., Mokretsova L. A., Shvets N. A. Professional’naya kompetentnost’ budushchikh spetsialistov: analiz urovnya sformirovannosti // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2017. Т. 23. № 3. S. 122–126.
4. Kamdina L. V. Otsenka vliyaniya pandemii COVID-19 na kachestvo zhizni naseleniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 11 (445). S. 224–230. <https://www.doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11126>

5. *Katan E. A.* Zhestokoe obrashchenie i prenebrezhenie v detstve opredelyayut otdalennye posledstviya dlya psikhicheskogo i fizicheskogo zdorov'ya vzroslykh // *Orenburgskij meditsinskij vestnik*. 2020. T. 8. № 3 (31). S. 15–22.
6. *Kolesnikov V. N., Rumyantseva A. V.* Psikhologicheskoe blagopoluchie studentov // *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2016. № 4. S. 77–86.
7. *Levitskaya I. A.* Professional'noe samoopredelenie kak sotsiokul'turnyj protsess // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 2-2 (58). S. 136–140.
8. *Lotova I. P.* Diagnostika zhestokogo obrashcheniya s det'mi kak nachal'nyj etap formirovaniya otvetstvennogo roditel'stva // *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pedagogicheskie nauki. 2016. T. 11. № 2. S. 178–185.
9. *Mitrukhina S. V., Slyusar' E. S.* Fenomen neglekta v sotsial'noj rabote // *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2021. № 3 (37). S. 46–51.
10. *Pleshchenko V. I.* Mezhdru traditsiyami i virtual'noj real'nost'yu: epidemiya koronavirusa kak katalizator izmenenij v kul'turnoj sfere // *Kul'turologicheskij zhurnal*. 2020. № 2 (40). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.doi.org/10.34685/HI.2020.28.81.002> (data obrashcheniya 17.03.2022).
11. *Rean A. A., Konovalov I. A.* Disfunktsional'naya sem'ya kak faktor agressivnogo povedeniya podrostkov // *Vestnik moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020. № 8. S. 292–300. <https://www.doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10500>
12. *Rean A. A., Konovalov I. A.* Proyavlenie agressivnosti podrostkov v zavisimosti ot pola i sotsial'no-ekonomicheskogo statusa sem'i // *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal*. 2019. T. 1. № 1 (33). S. 23–32. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103>
13. *Rozhdestvenskaya N. A., Mozharovskij I. L., Makaryan V. V.* Svyaz' lichnostnoj i professional'noj identichnosti u starsheklassnikov // *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal*. 2018. № 1 (29). S. 38–49. <https://www.doi.org/10.11621/npj.2018.0104>
14. *Sviridova T. V., Lazurenko S. B., Rtishcheva M. S., Gerasimova A. M., Pavlova N. N.* Mediko-sotsial'nye kriterii diagnostiki zhestokogo obrashcheniya s khronicheski bol'nymi det'mi v sem'e // *Rossijskij pediatricheskij zhurnal*. 2018. T. 21. № 4. S. 216–220. <https://www.doi.org/10.18821/1560-9561-2018-21-4-216-220>
15. *Simatova O. B.* Osobennosti nekotorykh komponentov professional'noj mental'nosti budushchikh pedagogov i psikhologov // *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2018. № 3 (45). S. 89–96.
16. *Simatova O. B.* Motivatsiya professional'nogo vybora i kar'ernye orientatsii studentov vuza razlichnykh pokolencheskikh tsiklov // *Gumanitarnye nauki: nauchno-prakticheskij zhurnal*. 2020. № 4 (52). S. 94–104.
17. *Teslenko A. N., Tamarskaya N. V.* Sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh postindustrial'nogo urbanizirovannogo obshchestva // *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2018. № 3 (45). S. 31–35.
18. *Shmarion P. V.* Samovosproizvodstvo nasiliya v sem'e v otnoshenii nesovershennoletnikh // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2017. T. 25 (1–4). № 2. S. 274–277.